

Козьмина Елена Юрьевна

"НАУЧНЫЙ РОМАН": ПРОБЛЕМА НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО ЖАНРА

В статье осмысливается жанровое понятие "научный роман". Делается обзор зарубежных и отечественных исследований этого явления, в результате которого выясняется, что термин "научный роман" может обозначать разные литературные совокупности. Устанавливается, что общим знаменателем разных определений жанра служит тематический комплекс "наука и научное открытие", сочетающийся с определенным образом героя - ученым. Делается вывод о недостаточности этих параметров для формирования жанра.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 1. С. 30-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Кружки и стрелы.

Свеча горела на столе,

Свеча горела... («Зимняя ночь» [Там же, с. 517]).

Интересно наблюдение исследователя о том, что в статусе создателя чего-то нового, «строителя» метель выступает в образе ткачихи: *В воротах вьюга вяжет сеть // Из густо падающих хлопьев* («Рассвет»). Сеть из хлопьев – это ткань. Автор использует метафору по действию, возникает образ погребальной пелены и пелен младенца из стихотворения «Рождество», образ метели вписан в круг жизни и природный круговорот [4, с. 296].

Таким образом, в романе образ метели, падающего снега превращается в образ Покрова, который умиротворяет бурю, спасает землю от мороза, обещает ей воскресение. Падающий с неба снег озаряет мир, уничтожая все враждебные, темные начала. Именно этот момент преображения земли, озарения мира рождает в Юре творческое начало. Так, в поэтическом тексте происходит приращение смысла и образ снега, бури приобретает многозначность, становится из чисто описательного элемента символической экспозицией, обращенной к основному конфликту романа – противоборству души с силами зла, с миром, который уходит во времена варварства, а также борьбе души с собственным смятением во имя воскресения, преодоления духовной опустошенности и тупика.

Список источников

1. **Кобзева Н. В.** Грамматические средства выражения образа метель в тексте // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 10 (90). С. 137-140.
2. **Нагина К. А.** Траектории «метельного» текста (толстовское присутствие в творчестве Б. Пастернака) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1. № 1-1. С. 31-40.
3. **Пастернак Б. Л.** Доктор Живаго. СПб.: Азбука-классика, 2010. 542 с.
4. **Прусова Е. Н.** Образы метели и снега в составе метеорологических явлений в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Человек в информационном пространстве: сборник научных трудов. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2016. С. 293-298.
5. **Чаглыян Ш. К.** Роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» и проблема московского текста: дисс. ... к. филол. н. М., 2016. 130 с.

SNOWSTORM IMAGE AS REPRESENTATION OF MENTAL STATE OF THE MAIN CHARACTER OF B. PASTERNAK'S NOVEL "DOCTOR ZHIVAGO"

Israpilova Pari Israpilovna

Dagestan State University, Makhachkala

israpilova.pari1993@mail.ru

The article is devoted to analyzing snowstorm image as a representation of mental state of the main character of B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago". Snowstorm image in this literary work is not only closely associated with personage's destiny but symbolic and polysemantic. On the one hand, snowstorm and the related meteorological phenomena (blizzard, wind, snow) personify grief, suffering, death of personage's relatives and, accordingly, personages' internal confusion and anxiety. On the other hand, snowstorm image (especially in the context of opposition to flame, fire) symbolizes the birth of new creative element which is represented in the novel by candle image. The snowstorm image is also directly associated with Intercession holiday implementing the conception of salvation and resurrection.

Key words and phrases: B. Pasternak; "Doctor Zhivago"; snowstorm image; candle image; confusion; resurrection; metaphorization; character's mental state.

УДК 82.1/9

В статье осмысливается жанровое понятие «научный роман». Делается обзор зарубежных и отечественных исследований этого явления, в результате которого выясняется, что термин «научный роман» может обозначать разные литературные совокупности. Устанавливается, что общим знаменателем разных определенных жанра служит тематический комплекс «наука и научное открытие», сочетающийся с определенным образом героя – ученым. Делается вывод о недостаточности этих параметров для формирования жанра.

Ключевые слова и фразы: жанр; научный роман; *scientific romance*; «литература об ученых»; научная фантастика.

Козьмина Елена Юрьевна, к. филол. н.

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург
klen063@gmail.com*

«НАУЧНЫЙ РОМАН»: ПРОБЛЕМА НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО ЖАНРА

Термин «научный роман» прочно закрепился в литературоведении (особенно – в «фантастологии») как обозначение реального жанра. Что заставляет усомниться в его существовании? И если это не жанр, то что это такое? Попробуем ответить на эти вопросы и начнем с происхождения термина «научный роман», или – в оригинальном его названии – *scientific romance*.

Формирование понятия и соответствующего ему термина, по мнению ряда исследователей, началось в середине XIX века. Тогда стали появляться произведения, рассказывающие об ученых, о реальных или воображаемых научных открытиях, их результатах и последствиях (например, «Житель планеты Марс» Агри де Парвиля (1865) или «Странная рукопись, найденная в медном цилиндре» Джеймса де Милля (1888)). Первоначально для этих произведений использовались термины «роман предвосхищения», «научно-фантастический роман», «роман судьбы» и др. [7]. Название «научный роман» в качестве обобщающего для типа произведений появилось и приобрело статус «имени жанра» лишь после выхода в 1933 г. сборника Г. Уэллса. Автор включил в него семь своих наиболее знаменитых романов и назвал сборник «The Scientific Romances of H. G. Wells». Традиционно на русский язык это заглавие переводится «Научно-фантастические романы Герберта Уэллса», однако, как легко заметить, это не совсем точный перевод.

Первый аргумент в пользу того, что существование «научного романа» как жанра можно подвергнуть сомнению, это корпус текстов, относимых к названному типу произведения. Разные исследователи включают сюда романы и повести Ж. Верна и Г. Уэллса, отдельные произведения Н. Готторна («Родинка» и др.), Ф.-Дж. О'Брайена, роман Дж. Тейна (математика Эрика Темпла Белла) «Величайшее приключение», а также некоторые произведения А. К. Дойла, утопии, классические романы-антиутопии Дж. Оруэлла «1984» и О. Хаксли «Прекрасный новый мир».

Не добавляет определенности и современное состояние «жанра»; мы обнаруживаем еще больший разброс произведений. Вот несколько примеров: как «научный роман» представлено своеобразное переложение и продолжение «Машины времени» Г. Уэллса – авантюрный роман Роналда Райта «Научный роман» (то же – у К. Приста в «Машине пространства»); и произведение Денниса Овербая, в основе своей документальное, «Влюбленный Эйнштейн». В отечественной литературе есть даже целая серия книг психолога М. Литвака «Научный роман» (включенные в серию произведения не являются художественными).

Как мы видим, корпус конкретных произведений, относимых к жанру «научного романа», настолько велик, что вызывает вопрос – действительно ли все эти произведения имеют одну и ту же жанровую структуру? В специальной литературе границы жанра и его статус определяются по-разному.

Во-первых, «научный роман» рассматривают как начальную стадию «научной фантастики» (термин взят в кавычки, т.к. он уже не соответствует тому, что обозначает, хотя и используется по традиции). Во-вторых, как вариант все той же «научной фантастики», но уже национальной природы (обе названные точки зрения могут сочетаться). В-третьих, «научный роман» представляется как автономный жанр, хоть и очень близкий к фантастической литературе. И, наконец, с еще одной точки зрения, «научного романа» как жанра не существует.

Рассмотрим эти взгляды подробнее.

В «Энциклопедии научной фантастики» Д. Д'Амасса указывается, что «научные романы» – это те произведения, которые печатались в 20-30-е гг. XX века в американских *pulp*-журналах [5, р. IV]. Отличие «научных романов» от «научной фантастики» не только хронологическое, но и качественное. Д. Д'Амасса пишет, что большинство этих ранних произведений были довольно плохо написаны, включали сомнительные научные факты или их интерпретации, а также «разнузданную спекуляцию, чтобы компенсировать все литературные недостатки» [Ibidem]. Сами журналы были под стать печатаемым в них произведениям: имели «алаповатые обложки» с рисунками космических кораблей и полураздетых женщин и были предназначены в основном для мальчиков-подростков. Но уже начиная с 40-х гг. XX века в этих журналах появляются подлинно «научно-фантастические» произведения – это следующий этап развития «научной фантастики». Однако в статье энциклопедии, посвященной романам Г. Уэллса, мы можем обнаружить, что наиболее известные его произведения тоже, по мнению автора, созданы в жанре «научного романа» [Ibidem, р. 144, 409]. Можно ли считать их «плохо написанными грубыми историями», не совсем ясно, тем более что Д. Д'Амасса называет Уэллса во «Введении» «отцом серьезной научной фантастики» [Ibidem, р. IV].

П. Парриндер считает, что «научный роман» – это произведения романтической фантастики с использованием научных или, чаще, квазинаучных элементов, а наиболее знаменитые образцы жанра – «Родинка» (1843), «Дочь Раппаччини» (1844) Н. Готторна и «Алмазный объектив» (1858) Ф.-Дж. О'Брайена. Обязательный персонаж этого жанра – «демонический» ученый, чьи труды направлены на разрушение счастья героя и героини. Собственно о науке в «научном романе», по мнению П. Парриндера, говорить не приходится, т.к. его авторы – это «романисты-дилетанты» [6, р. 18], обращающие внимание исключительно на «научную экзотику».

«Научный роман» тесно связан с «научной фантастикой». Первая точка пересечения – это роман М. Шелли «Франкенштейн», с которого, по мнению П. Парриндера, должен вестись отсчет «научной фантастики». Различие между этим произведением и названными ранее в том, что в романе М. Шелли сделана попытка уйти от интерпретации изображенного как сверхъестественного. Однако все же «Франкенштейн» еще нужно считать «научным романом». Развитие же этого жанра видится П. Парриндеру скачкообразным процессом; после «Франкенштейна» длительное время «научных романов» не было, пока не появились произведения Ж. Верна и Г. Уэллса. Предшественником Ж. Верна исследователь считает Э. По, но с определенным ограничением. И тот, и другой стремились к правдоподобию изображению научных идей и открытий. Однако у Э. По «стремление к правдоподобию обманчиво» [Ibidem, р. 19] (точно так же, как у Свифта в «Путешествии Гулливера»). Ж. Верн же пытался строить свой мир на реальных законах физики, в полном согласии с ними. Поэтому, считает П. Парриндер, «литература Верна есть логическое продолжение инженерного менталитета паровой эпохи» [Ibidem, р. 20]. У Ж. Верна есть «научные» произведения (т.е. в жанре «научного романа»), а есть «научно-фантастические» (правда, ни те, ни другие в исследовании П. Парриндера не названы), но их нельзя строго разграничить.

Особое место занимает творчество Г. Уэллса, который не «использует физику», а «изобретает» идеи. Именно он, в соответствии с размышлениями П. Парриндера, является ключевой фигурой, обеспечившей эволюционное вхождение «научного романа» в современную «научную фантастику», причем не только с помощью романов, ставших, по сути, образцами для последующих писателей, но и предисловием к уже упоминавшемуся сборнику 1933 г. «*The Scientific Romances of H. G. Wells*». В этом предисловии Уэллс формулирует различие между романами Ж. Верна и своими собственными; оно заключается в том, что Верн экстраполирует реальные изобретения в будущее, а Уэллс акцент делает не на реальности изобретения (оно чаще «ненаучно», имеет гипотетический характер), а на его логические следствия и результаты.

Итак, «научный роман», по П. Парриндеру, это в первую очередь произведение романтизма, где изображаются некие научные открытия («научная экзотика»), сделанные «демоническим ученым». «Научный роман» уже в творчестве Ж. Верна плавно перетекает в «научную фантастику», а уже у Г. Уэллса мы находим образцы «научно-фантастического» романа.

Б. Стейблфорд рассматривает «научный роман» не как хронологический, а как национальный – британский – вариант той разновидности фантастической литературы, которую в США стали называть «научной фантастикой». Национально-литературная принадлежность писателя, по мнению исследователя, обуславливает специфику его произведений. Б. Стейблфорд пишет, что сам термин «научный роман» появился задолго до того, как Г. Уэллс опубликовал свой сборник (включенные в него романы – это «образцы» жанра, по мнению исследователя), но термин «научный роман» употребляется исключительно в Великобритании. В США, чуть позже, в 1920-х гг. возник «собственный альтернативный термин» [9, р. 468] – «научная фантастика», означающий тот же самый тип произведения. Таким образом, по использованию терминов «научный роман» и «научная фантастика» можно определить принадлежность произведения к той или иной национальной литературно-фантастической традиции вплоть до 1950-х гг.

После этого американский термин «научная фантастика» почти полностью заменил британский «научный роман» и стал единственным именем жанра. Однако термин «научный роман» все же используется в том случае, когда нужно сделать акцент на британских («уэллсианских») традициях в «научно-фантастической» литературе. Такова функция заглавия, по мнению Б. Стейблфорда, в произведении уже упоминавшегося Р. Райта «Научный роман».

«Научный роман», как считает Б. Стейблфорд, появился в конце XIX в.; в начале XX в. интерес к нему пропал в связи с социальной обстановкой – началом Первой мировой войны. В 30-е гг. создаются новые произведения в этом жанре, к числу которых Б. Стейблфорд относит и роман-антиутопию О. Хаксли (1932) (это связано, по мнению исследователя, с ожиданием новой войны). Как правило, эти романы издаются уже не в журнальном, а в книжном варианте. После Второй мировой войны «научный роман» вновь появляется, но почти сразу же поглощается американской «научной фантастикой».

Таким образом, термины «научный роман» и «научная фантастика» обозначают разные национальные варианты одного жанра, но варианты, как считает исследователь, имеют довольно серьезные различия. Одно из принципиальных – отсутствие в первом «мифа космической эры» [Ibidem, р. 469]. «Научный роман», безусловно, изображал полеты человека в космос, но в нем все же не было «неумолимой колониальной экспансии». Кроме того, по мнению Б. Стейблфорда, «научный роман» был заметно «темнее», чем «научная фантастика», менее оптимистичен, что исследователь связывает с последствиями участия Великобритании в Первой мировой войне.

Несмотря на сближение двух национальных вариантов, «культурная разница», полагает Б. Стейблфорд, до сих пор различима. Именно поэтому исследователь подготовил и выпустил в 2016 году четырехтомное издание «Новая Атлантида: повествовательная история научного романа» [8].

В ряде работ «научный роман» представлен одновременно и как национальный вариант (в строгом соответствии с концепцией Б. Стейблфорда), и как начальный этап «научно-фантастической» литературы. Так, в знаменитой электронной энциклопедии Джона Клуа в статье «Научный роман» [7] повторяются уже известные нам факты, но, кроме того, дается еще ряд отличительных характеристик «британского» варианта (собственно «научного романа») от американского («научной фантастики»). Это, как правило, произведения большего объема – в силу того, что они раскрывают эволюционные перспективы изображенного мира, а также включают обширные медитативные размышления героев о происходящем. В качестве примеров в статье приводятся романы О. Степлдона и А. Кларка, которые используют «идиомы научного романа». Но самое главное, что мы находим в этой энциклопедической статье, – представление о «научном романе» как о названии для «неординарных произведений»; например, как уже упоминавшийся роман К. Приста («*Машина пространства*» (1976)), а также произведения С. Бакстера («*Эволюция*» (2002)) или К. С. Робинсона («*Память белизны*» (1985)). Таким образом, сюда добавляются тексты не на основе похожей жанровой структуры, а те, структура которых скрыта от исследователей.

Более детальное разграничение этапов «научной фантастики» находим у Дж. Манна [10, р. 507-508], который считает, что «научный роман» является «формой ранней научной фантастики», ее «первым воплощением». Граница между этапами проходит между творчеством Ж. Верна и Г. Уэллса: у первого были еще «научные романы», а у Уэллса – уже «научная фантастика». Но в то же время, уточняет Дж. Манн, поменялось только имя жанра («научный роман» – «научная фантастика»). Последователями уэллсовской традиции стали американские журналы, в частности, журнал «*Amazing stories*» Хьюго Гернсбека, создавший «научную фантастику» в том виде, в каком она существует сейчас.

Происходит, однако, разветвление традиции: Дж. Манн, как и Б. Стейблфорд, считает, что в Великобритании продолжалась традиция «научного романа», прекратившаяся лишь в 60-е гг. XX в. «Ностальгические примеры», однако, можно найти и в современной литературе – это все те же К. Прист с его «Машиной пространства» и С. Бакстер, но в качестве примера уже приводится роман «Антилед».

И, наконец, еще одну точку зрения на «научный роман», теперь уже как на автономный жанр, мы находим в работе К. Локса. Он рисует гораздо более сложную картину, соотнося «научный роман» с другими жанрами. Во-первых, К. Локс приводит две возможные трактовки описываемого жанра: 1) синоним «экспериментального романа» (термин и задачи жанра сформулированы Э. Золя); 2) роман «особого типа, темой которого является какое-нибудь научное открытие, те или иные факты из области науки и их приложение на практике» [1]. Задачи второго типа, нас более всего интересующего, – «показать приложение какого-либо научного открытия на практике, среди людей» [Там же]. Заметим, что основная (и единственная) характеристика связана у исследователя с определением всего лишь одного художественного признака – темы произведения.

По мнению К. Локса, о «научном романе» можно говорить уже применительно к утопиям, единственная оговорка может быть в том, что термин «роман» в этом случае не удовлетворителен. Критически оценивает К. Локс возможности рассмотрения «научного романа» как «романа художественной популяризации» (что имеется в виду под этим термином – остается нераскрытым; но, очевидно, это что-то подобное научно-фантастическим очеркам и так называемым сциентемам).

Необычайные открытия современной науки, как считает К. Локс, придают «научному роману» «неизбежно фантастический характер». Отсюда – связь с «научной фантастикой». Однако является ли он ее жанром, автор статьи не уточняет. В то же время, определяя основные структурные особенности «научного романа», К. Локс характеризует жанр как особую, современную, форму авантюрного романа, способную заменить «прежний роман приключений на палубе пиратского корабля или в почтовой карете»: «Такой роман целиком сосредоточен на развертывании фактического материала, стремительно развивающемся сюжете и потрясающих неожиданностях. А широкий захват всех областей социальной жизни насыщает его такими перспективами, в которых почти исчезает личная психология. Ее место занимают отдельные очень сильные коллективные переживания, символизирующиеся каким-нибудь исключительным событием. В связи со всем этим неизбежен “авантюрный” характер “научного романа”» [Там же].

Итак, две основных черты жанра – фантастический и авантюрный характер в сочетании с изображением научной идеи или открытия. Эти предельные характеристики позволяют, однако, включить сюда огромное количество самых разных в жанровом отношении произведений (см., например, и «Собачье сердце» М. Булгакова, и его же «Иван Васильевич»; сюда вполне подойдет роман «Белые одежды» В. Дудинцева и многие другие).

Существует и гораздо более радикальный взгляд на жанр «научного романа», принадлежащий польскому ученому А. Згожельскому [11]. Его точка зрения основывается на такой концепции жанрообразования, которая предполагает, что появление нового жанра возможно только в том случае, если он «диаметрально противоположен» и своей собственной традиции, и «остальной ранее принятой жанровой иерархии», т.е. становится «функциональной оппозицией» своим же «историческим корням». При этом у него меняется и структура, и «общая семантика».

«Научный роман», по мнению ученого, относится к тем явлениям, которые начали появляться в писательской практике в 20-е гг. XX в.; однако это появление было отчетливо осознано, проявившись в «создании критических и теоретических терминов», таких как «научный роман» и «научно-фантастический роман». Жанр наследует традиции утопии, готического романа, фантастического рассказа о приключениях и т.д., но в его структуре появляются и новые элементы, «некоторые новые мотивы и способы повествования». Однако, замечает А. Згожельский, «... введение новых тем и мотивов... само по себе не равносильно рождению нового жанра» [Ibidem]; это касается и «научного романа». Это тот жанр, который не смог стать по-настоящему автономным жанром и остался вариантом «фантастической приключенческой истории».

Как видно из этого обзора, общим знаменателем для таких разных определений жанра «научного романа» служит тематический комплекс «наука и научное открытие», сочетающийся с определенным образом героя – ученым (не обязательно «демоническим» или «сумасшедшим»). Можно ли в таком случае считать все произведения с подобным комплексом «научным романом»? Очевидно, нет; достаточно перечислить такие разножанровые произведения, чтобы убедиться в отрицательном ответе. Так, «литература об ученых» включает в себя роман Г. Уэллса «Человек-невидимка», криминальные романы Д. Сейерс «Вечер выпускников» и Г. Мартинеса «Невидимые убийства», вполне «реалистические» романы М. Анчарова «Теория невероятности», Д. Гранина «Зубр» и множество других. Есть и фантастические варианты «литературы об ученых» или, иначе, «ученой фантастики» (К. Г. Фрумкин [4, с. 224]): «Понедельник начинается в субботу» А. и Б. Стругацких, «Каббалист» П. Амнуэля и др. В таком случае, приходится отнести «научный роман» к жанрам не существующим, т.е. имеющим термин, но не имеющим понятия.

«Научный роман» в этом смысле вовсе не уникальное явление. Существуют жанры, имя которым уже дано, а сами они еще не вполне сформировались; или те, которые включают новые темы, не затрагивающие других структурных элементов. Так, проблематичны в этом смысле такие жанры, как, например, «филологический роман» (вот, например, одно из определений этого жанра: «Филологическим по преимуществу, наверное, можно считать такой роман, где филолог становится героем, а его профессия – основой сюжета» [2, с. 196]) или «историко-философский роман» (в оба названных типа зачастую включают одни и те же произведения) и др. По поводу последнего В. В. Полонский говорит, что «сама постановка вопроса о существовании историко-философского романа как относительно самостоятельной разновидности эпического жанра выглядит небесспорной...» [3, с. 47].

Это особая проблема – появление новой тематики, освоение ее литературой, включение в комплекс жанровых признаков. Но тема – еще не обозначение жанра, а лишь один (хоть и очень важный) из жанровых аспектов. Одна и та же тема может разрабатываться в разных жанрах; а может иметь различные тематические варианты (совсем не случайно Вл. Новиков называет одним из первых филологических романов «Евгения Онегина» А. С. Пушкина). Важно понимать, сформирует ли тематический комплекс вокруг себя и другие изменения, которые превратят его в самостоятельный жанр. С «научным романом» так не получилось.

Список источников

1. Локс К. Научный роман [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-5061.htm> (дата обращения: 30.04.2017).
2. Новиков Вл. Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия // Новый мир. 1999. № 10. С. 193-205.
3. Полонский В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 2008. 286 с.
4. Фрумкин К. Г. От клише к трагедии: миф о «героическом энтузиазме» ученых в зеркале литературы // Нева. 2007. № 3. С. 224-237.
5. D'Amassa D. Encyclopedia of Science Fiction. N. Y.: Facts on File, 2005. 538 + v p.
6. Parrinder P. Science Fiction. Its criticism and teaching. London – N. Y.: Routledge, 2007. 124 p.
7. Scientific Romance [Электронный ресурс]. URL: http://www.sf-encyclopedia.com/entry/scientific_romance (дата обращения: 16.03.2017).
8. Stableford B. New Atlantis: a Narrative History of Scientific Romance: in 4 vol. Maryland: Wildside Press, 2016.
9. Stableford B. Science Fact and Science Fiction: an Encyclopedia. N. Y. –London: Routledge, 2006. 729 p.
10. The Mammoth Encyclopedia of Science Fiction / ed. by G. Mann. London: Robinson, 2001. 607 p.
11. Zgorzelski A. Is Science Fiction a Genre of Fantastic Literature? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.depauw.edu/sfs/backissues/19/zgorzelski19art.htm> (дата обращения: 16.03.2017).

“SCIENTIFIC ROMANCE”: THE PROBLEM OF NON-EXISTENT GENRE

Koz'mina Elena Yur'evna, Ph. D. in Philology

*Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg
klen063@gmail.com*

In the article the genre notion “scientific romance” is comprehended. A survey of foreign and domestic studies of this phenomenon is made, as a result of which it becomes clear that the term “scientific romance” can denote different literary sets. It is found out that the thematic complex “science and scientific discovery” combined with a certain image of the hero-scientist serves as a common denominator of different definitions of the genre. It is concluded that these parameters are insufficient to form the genre.

Key words and phrases: genre; scientific romance; “literature about scientists”; science fiction.

УДК 398.221

В статье приводятся основания для выделения особых текстовых комплексов – «связанных превращений», полученные в результате анализа бурятского и якутского эпоса. Согласно предлагаемой классификации по виду отношений между участниками (субъект/объект превращения) данные текстовые комплексы распределяются по двум типам: 1) связанные превращения неравноправных и 2) равноправных акторов. Каждый тип связанных превращений характеризуется особенностями внутренней структуры, способом соотношения целей превращения акторов (тождество или противоположность), а также определённой функцией в тексте (композиционной или художественной).

Ключевые слова и фразы: мифология Сибири; героические сказания (эпос); буряты; якуты; структура текста; мотив превращения.

Коломакина Белла Александровна

Институт ядерной физики имени Г. И. Будкера

Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск

albagira@mail.ru

**МОТИВ ПРЕВРАЩЕНИЯ В СИБИРСКИХ СКАЗАНИЯХ:
СТРУКТУРА, КЛАССИФИКАЦИЯ**

В современной фольклористике актуальной становится проблема адекватного описания объекта исследования: многими учёными ставятся вопросы об уточнении границ исследуемых явлений и семантической наполненности описывающих их терминов; о необходимости расширения и дополнения существующих фольклористических концепций. Так, Е. Е. Левкиевская обращает внимание на неточность отражения языка